

Из истории сербско-
русских историко-
культурных связей:
Душан Иванович
Семиз (1884–1955) и
его семья. Заметки
к материалам
петербургских
и московских
архивов*

**Милена Всеволодовна
Рождественская**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

From History of
Serbian-Russian
Historical and
Cultural Relations:
Dušan I. Semiz (1884–
1955) and His Family.
Commentaries to
Archival Materials
from St. Petersburg
and Moscow

Milena V. Rozhdestvenskaia

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

Судьба сербского политэмигранта в России, журналиста, политического деятеля и историка Душана Ивановича Семиза (1884–1955) и его семьи впервые рассматривается на основе архивных материалов из петербургских и некоторых московских хранилищ — Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Центрального государственного исторического архива (С.-Петербург), Архива РАН (Москва). Журналист, корреспондент и фотокорреспондент

* Статья подготовлена к XVI Международному Съезду славистов (август 2018, Белград). Приношу глубокую благодарность Дмитрию Георгиевичу Полонскому за неоценимую помощь и советы при подготовке статьи.

на фронтах Первой мировой войны, автор исторических и политических брошюр и книг, переводов сербского эпоса на русский язык, Д. И. Семиз был впервые арестован в Ленинграде в 1929 г. и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. За первым последовал еще ряд арестов. Д. И. Семиз работал на лесоповале в Архангельской области и на строительстве Беломорско-Балтийского канала, отбывал ссылку в Казахстане, в поселке Берлик, куда позже был выслан А. И. Солженицын. Освобожден незадолго до смерти в 1953 г. В статье приводятся фрагменты работ Д. И. Семиза об историко-политических отношениях России и Сербии, его письма родным из заключения и ссылки и письма родных к нему. В них видна яркая личность Д. И. Семиза, его мужественный и сильный характер, до конца не сломленный даже в условиях лагеря. Представленные в статье архивные материалы являются еще одним живым свидетельством эпохи сталинских репрессий, а также представляют интерес для изучения сербско-русских историко-культурных связей в середине XX века.

Ключевые слова

Душан Иванович Семиз, семья Семизов, архивные материалы, сербско-русские историко-культурные связи, история Балкан, журналистика, сталинские репрессии, Беломорско-Балтийский канал, ГУЛАГ

Abstract

The fate of a Serbian political emigrant in Russia, the journalist, politician, and historian Dušan Ivanović Semiz (1884–1955) and his family, is studied for the first time on the basis of archival materials from St. Petersburg: the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House) and the Central State Historical Archive (St. Petersburg) and Archive of Russian Academy of Sciences (Moscow). Dušan Semiz was a journalist and press correspondent at the frontlines of WWI and the author of historical and political pamphlets and books, and translations of Serbian epics into Russian. He was first arrested in Leningrad in 1929 for being a former active participant in the Serbian nationalist revolutionary organisation Crna ruka (The Black Hand) and sentenced to five years in the GULAG. His first spell in the labor camps was followed by several others. Semiz did hard labor as a lumberjack in the Archangel region and at the construction of the White Sea–Baltic Canal; he was exiled to Kazakhstan in Berlik, where Alexander Solzhenitsyn was also later exiled. Semiz was not released from the GULAG until 1953, not long before his death. Here I present some fragments of the works by Semiz on historical and current relationships between Serbia and Russia, the causes of WWII, as well as his letters from the GULAG and exile to his family and letters from his family to him. These documents show his strong personality, which was maintained even through his period in the GULAG. The archive materials presented in the paper are another historical document of Stalinist terror and are of interest for the study of Serbo-Russian historical and cultural links in the mid 20th century.

Keywords

Dušan Semiz, Semiz family, archival materials, Serbian-Russian historical and cultural relations, History of Balkans, repressions by Stalin, White Sea-Baltic Canal, GULAG

Имя Душана Ивановича Семиза нельзя назвать совсем не известным в истории славистики. Родившийся в г. Мостаре (Герцеговина) 21 мая 1884 года, он умер в феврале 1955 года в России, в небольшом городке Мышкине Ярославской области, незадолго до этого вернувшись из ссылки после сталинских лагерей, и был похоронен на Мышкинском городском кладбище. Его судьба в связи с судьбой его семьи заслуживает особого внимания не только как яркий пример человеческой личности в трагической истории русского XX века, но и как феномен сербско-русских историко-культурных связей, в которые вмешалась большая политика. В 1998 г. в краткой заметке я писала о Д. И. Семизе:

большую часть жизни он прожил в Петербурге-Ленинграде, оставил немалое историко-литературное и публицистическое наследие, много писал и думал об исторических путях Сербии и России, о судьбах славянства в XX веке, о южнославянских культурных традициях. Академик Н. С. Державин в конце 1920-х гг. назвал Д. И. Семиза серьезным специалистом по истории и культуре южных славян [Рождественская 1998: 27].

В этой статье меня будет интересовать главным образом его жизнь в России и в СССР; то, как основные ее события отразились в архивных материалах. Однако я не ставлю целью их полное и комментированное описание и воссоздание на их основе биографии Д. И. Семиза — это дело специалистов-историков. Хочу лишь обратить внимание заинтересованных исследователей на некоторые любопытные материалы о Д. И. Семизе, сохранившиеся в государственных хранилищах Петербурга и Москвы, поэтому рассматриваю свою статью как предварительную.

В Петербурге архивные материалы Д. И. Семиза хранятся, во-первых, в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (ОР ИРЛИ)¹ и в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА)². В Москве они находятся в Архиве РАН (АРАН) в фонде академика В. И. Пичеты (1878–1947), известного слависта и родственника Д. И. Семиза³. Кроме того, в Государственном Архиве РФ (Москва) в фонде Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве (т. е. Охранного отделения) при московском градоначальнике хранится дело за 1916 г. с заголовком “О присяжном

¹ ИРЛИ РАН, ф. 470. В настоящее время фонд находится в научно-технической обработке. Сердечно благодарю заведующую ОР ИРЛИ РАН д. ф. н. Татьяну Сергеевну Царькову за любезное разрешение ознакомиться с фондом и частично опубликовать ряд материалов.

² ЦГИА, ф. 513, оп. 163 (Петроградская городская управа), № 1791.

³ Два письма Д. И. Семиза в личном фонде В. И. Пичеты: АРАН, ф. 1548, оп. 3. Д. 198 и АРАН, ф. 1548, оп. 4. Д. 92. За эти сведения и возможность ознакомиться с письмами Д. И. Семиза благодарю члена-корреспондента РАН Ф. Б. Успенского и старшего научного сотрудника Архива РАН Д. Г. Полонского.

поверенном Душане Ивановиче Семиз⁴. К сожалению, этот фонд оказался вне нашего поля зрения, и его материалы остаются за рамками данной статьи, в которой основное внимание уделяется петербургским архивам.

По ходу изложения в статье приводятся фрагменты из писем Душана Ивановича и его родных, хранящиеся в ОР ИРЛИ, без указания на номер дела и страницы, поскольку фонд, как было указано, еще находится в научно-технической обработке. В тех случаях, когда слова в документе сокращены, недостающие буквы восстанавливаются в угловых скобках. В прямоугольные скобки заключаются некоторые купюры и примечания. В петербургском ЦГИА фонд Д. И. Семиза (ф. 513) представлен в основном документами о его служебных передвижениях, заявлениями и деловыми записками. Помимо послужного списка Д. И. Семиза, здесь имеются сведения о том, что он окончил курс юридических наук Императорского Казанского университета, работал в должности помощника делопроизводителя 4-й степени V Отделения, стал кандидатом правоведения Императорского университета делопроизводства городской управы. Все эти материалы относятся к периоду жизни Д. И. Семиза в России до его арестов. Отражена в них и патриотическая деятельность Д. И. Семиза во время Балканской и Первой мировой войн⁵. Так, сохранилась недатированная записка председателя подготовительной Комиссии по организации врачебной и санитарной помощи войскам Болгарии, Греции, Сербии, Черногории П. П. Дурново⁶ городскому голове И. И. Глазунову⁷ о том, что “секретарем Комиссии приглашен делопроизводитель городской Управы Д. И. Семиз” (ЦГИА, ф. 513, оп. 163. Д. 1791. Л. 29). Позднее, 29 июля 1914 г., Д. И. Семиз, занимавший тогда должность делопроизводителя 2-го стола Инженерно-канализационного Отдела, подал рапорт с просьбой разрешить ему “долгосрочный

⁴ ГА РФ, ф. 63, оп. 36. Д. 267.

⁵ Скорее всего, в сохранившихся документах речь идет о Первой Балканской войне (октябрь 1912 — май 1913), которая велась между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) против Османской империи. Война завершилась Лондонским мирным договором 30 мая 1913 г. Однако Балканский союз не был удовлетворен условиями договора, и 29 июня вспыхнула Вторая Балканская война, длившаяся всего месяц и закончившаяся Бухарестским мирным договором 29 июля 1913 г.

⁶ Петр Павлович Дурново (1835–1919) — государственный военный деятель, генерал от инфантерии, управляющий Департаментом уделов, московский генерал-губернатор, с 1881 по 1917 г. гласный Петербургской городской думы, член Государственного совета. О нем: [Шилов И Кузьмин 2006: 307–309].

⁷ Илья Иванович Глазунов (1856–1913) — с 1881 г. гласный Петербургской городской думы, был также почетным мировым судьей, членом Совестьального по врачебно-санитарной части присутствия. Занимал должность городского головы с января 1910 по февраль 1913 г. Соответственно, записку можно датировать этим временным промежутком. Об И. И. Глазунове: [Бауман 2003: 279–280].

отпуск без сохранения содержания в виду начавшихся военных действий между Сербией и Австро-Венгрией” и, как он писал, “желая принести посильную помощь родившему меня сербскому народу, я отправляюсь добровольцем на театр военных действий” (ЦГИА, ф. 513, оп. 163. Д. 1791. Л. 35).

В фонде Д. И. Семиза в ОР ИРЛИ сохранились также материалы делового характера, связанные уже в основном с годами его арестов и ссылкой. Это переписка дочери Д. И. Семиза М. Д. Семиз с должностными лицами по поводу арестов отца, запросы прокурору, письма в официальные инстанции ОГПУ и НКВД, официальные характеристики Д. И. Семиза. Основную часть сознательной жизни до своего первого ареста органами ГПУ в 1929 г. Д. И. Семиз прожил в тогдашнем Ленинграде, поэтому его фонд в ОР ИРЛИ оказался наиболее полным, чем в других хранилищах. Он содержит материалы, связанные не только с личностью самого Д. И. Семиза, но и с членами его семьи. Фонд состоит из пяти объемных коробок с папками, содержащими документы, конверты с письмами, фотографии, альбомы, рукописные и машинописные материалы. Они весьма разнообразны по содержанию и представляют собой богатый источник для исследователей не только сербско-русских исторических, политических и культурных связей, но и для истории ГУЛАГа в СССР. Особое место занимает и присоединенный к фонду Д. И. Семиза архив его дочери, Милены Душановны Семиз (1909–1984), специалиста по византийскому и древнерусскому искусству, в прошлом сотрудницы Государственного Эрмитажа, а в последние годы жизни — заведующей библиотекой Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева в Москве. Архив Д. И. Семиза был передан ею в ОР ИРЛИ в 1958–1959 гг., а после смерти ее собственный архив по завещанию был присоединен к фонду отца. В немногих сохранившихся ответных письмах дочери к отцу, написанных с огромной любовью, в полной мере проявились ее мужество и терпение. Всю свою жизнь без остатка она посвятила ему, и слово “папа” в ее устах звучало всегда с большой буквы. В одном из писем от 22 февраля 1947 г. в лагерь под Архангельском она писала:

Дорогой, родной, папа мой! Получили твою открыточку. Я уже писала тебе, что 12/II 47 послала в прокуратуру УИТЛ Арх<ангельской> обл<асти> заявление, с приложением документов о болезни мамы. С просьбой разрешить тебе приехать в Мышкин. Даже если и <в> ссылку, то сюда, где живем мы. Ибо мама больна, я одна не разорвусь помочь и ей, и тебе и, главное, Мышкин — сельская местность, у нас поселковый совет и живут много административно высланных. Хорошо бы, и ты со своей стороны похлопотал. [. . .] Господи! скорее бы нам быть вместе! Голубенький мой, жду твоей телеграммы — помчусь! Навстречу!

В приволжский городок Мышкин, родные места жены Д. И. Семиза Натальи Дмитриевны Роговой, она с дочерью были высланы из Ленинграда как члены семьи репрессированного после первой блокадной зимы в 1942 г. И оставались там жить вплоть до смерти Н. Д. Роговой-Семиз в июне 1965 г., после чего в 1966 г. Милена Душановна перебралась в Москву. А пока она делала все возможное и невозможное, чтобы хоть чем-то облегчить участь своего отца. Иногда это удавалось. Ей помогали народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская (1874–1951) — депутат исполкома Ленинграда в те годы; а также директор Государственного Эрмитажа академик И. А. Орбели (1887–1961), отправлявший ее как свою сотрудницу под видом научных поездок в Архангельскую область с тем, чтобы она смогла повидаться с отцом на пересылках. В ее части фонда Д. И. Семиза сохранилось несколько документов, свидетельствующих о ее хлопотах об отце в высших государственных инстанциях, материалов по истории ее семьи, переписка с ее друзьями, бывшими коллегами по Государственному Эрмитажу⁸. Эта женщина, которую мне посчастливилось не просто знать многие годы как ближайшую подругу моей матери по ленинградскому университету, но быть ее крестницей и получить ее имя, обладала удивительным даром притяжения к себе людей, и ее дом в последние годы жизни в Москве всегда был полон друзей, особенно молодых. Именно она бережно сохранила архив своего отца. Эта статья — дань и ее памяти.

Краткие биографические сведения о Д. И. Семизе уже становились предметом исследовательского внимания [Горяинов 2006: 117; Заварзина 2016; Рогов 1998; Рождественская 1996; еadem 1998]⁹. Однако в этих небольших статьях архивные материалы из петербургских хранилищ использованы далеко не полностью. Так как моя заметка [ibid.: 27–30] вышла тиражом в 200 экземпляров и стала библиографической редкостью, приведу эпиграф к ней из стихотворения о Д. И. Семизе брата его жены А. Д. Рогова, историка и поэта:

С герцеговинских круч пришедший к нам юнак
Надолго жертвой стал всеильного тирана.
Из беломорских стуж, из пекла Казахстана
Непокоренный дух принес в родной очаг.

⁸ Письма М. Д. Семиз адресованы сотрудникам Государственного Эрмитажа Т. А. Измайловой (1907–1989), В. С. Шандровской (1922–2017), А. В. Банк (1906–1984), А. Л. Якобсону (1906–1984), И. Г. Спасскому (1904–1990), Т. М. Соколовой (?), А. Ф. Каликину (1876–1971), А. Я. Каковкину (1938–2015) и др.

⁹ В содержательной публикации гимназистки А. Заварзиной впервые приведены материалы из архива Романа Дмитриевича Рогова, жившего в г. Владимире, — брата жены Д. И. Семиза Натальи Дмитриевны Роговой-Семиз: ее письма брату и письма М. Д. Семиз к дяде [Заварзина 2016].

На стене Мышкинского дома, куда из лагеря и ссылки возвращался Д. И. Семиз и где он скончался в феврале 1955 г., еще в конце 1950-х и в 1960-е гг. висели рядом два его портрета. На одном полноватый, пышноволосый, с твердым горячим взглядом крепкий молодой мужчина, на другом — седой, изможденный старик с потухшим взором, с изборожденным резкими морщинами лицом. В этих фотографиях — весь путь его русской Голгофы. Позже А. Д. Рогов напишет:

Где ты, дом наш родной? Не промотан,
Не проигран судьбой в “фараон”,
Ты великою бурей разметан
И преступной рукою сожжен.

Душан Йован (Иванович) Семиз родился и учился в гимназии в городе Мостаре, откуда был исключен с “волчьим билетом” в связи с участием в оппозиционном политическом движении и беспорядками среди гимназистов. Он переезжает в Полтаву к своему родственнику по материнской линии, протоиерею Йовану Пичета, отцу будущего известного славыста академика Владимира Ивановича Пичеты [Горяинов 2004: 116–153]; оканчивает Полтавскую духовную семинарию, а затем обучается юриспруденции в Казанском и С.-Петербургском университетах, о чем сохранились сведения в фонде Д. И. Семиза в петербургском ЦГИА. На протяжении всей жизни Душан Иванович никогда не забывал о родной сербской земле и своих предках. Во вступительной статье к предполагаемому изданию сербского эпоса в его переводах, но так и не увидевшему свет, он писал:

Слушая песни из уст дедов и отцов, мы напаявались [так! — М. Р.] беззаветною любовью к родившему нас народу, подчас обильно обливая слезами, горькими детскими слезами его тяжелую жизнь в прошлом и настоящем, в своей юной душе давая себе обет — служить ему, бороться за него, защищать его, мстить за него, не покидать его, отдать ему всего себя и самую жизнь свою. Мы любовались героями песен, мы хотели быть на них похожими и обладать их качествами (ОР ИРЛИ, ф. 470. Л. 2 [машинопись, копия]).

Эти слова звучат как клятва. Понятно, что вынужденный с юных лет покинуть родину, Д. И. Семиз постоянно думал о ней и о своем роде. В его фонде в ОР ИРЛИ сохранилась составленная им родословная Семизов. Особенно его патриотические чувства обострились в заключении.

В одном из писем от 1 марта 1933 г. из лагеря на Беломорско-Балтийском канале он даже советовал жене и дочери: “Быть может, никогда больше не увижу вас. . . О Господи, что делать? Что с нами делают и еще сделают?! Подумайте в крайности, как бы вам вырваться на мою родину.

Быть может, хоть там жизни спасете”. Даже в лишениях и болезни Д. И. Семиз находит утешение в памяти о родной потерянной им Сербии, в любви к своим близким. Сознание единства своего рода, надежда на воссоединение с семьей поддерживают его силы. В том же письме из Белбалтлага он пишет:

У нас тоже беда не меньшая — смена начальства. Падение на Канале темпов — всем льготы аннулированы. Снова пересмотр, многих лишают данных в ноябре льгот. Могут и меня лишить, но я не печалюсь. Я согласен на все муки и страдания, лишь бы вы были здоровы, и вас бы не терзали и не мучили. Свиданья прекратили давать. Никого к нам не подпускают, ждем еще больших строгостей. Много народу из инж<енерно>-техн<ического> персонала арестовано — так говорят. Предают суду за “туфту”. Что будет дальше, не знаем, и что нас в дальнейшем ждет, тоже не знаем. Поэтому о приезде одной из вас речи быть не может. И это меня убивает, хотелось бы с вами проститься перед вашей Голгофой.

В другом письме уже от 20 ноября 1942 г. Д. И. Семиз также страдает от невозможности быть рядом с родными в эти трудные для него и всей страны годы, и от неведения своей будущей участи:

Как бы хотелось еще раз в жизни взглянуть на собранные вместе остатки нашей когда-то большой семьи. Сколько могил рассеяно по разным концам Родины и за Родину. А в Югославии никого в живых нет, вероятно. Бранко старый партизан [. . .] положил свою голову. А я инициатор и организатор в 1915 г. 50-тысячного добровольческого корпуса — где нахожусь? И сколько еще пробуду здесь?

Забываясь о положении своих родных, он даже предлагал им отказаться от него, что, к сожалению, нередко входило в практику тех лет:

Я привык к терзаньям [. . .], что лично готов всю жизнь быть в таких условиях, только бы вас не пр<нрзб>, не мучили, не терзали. Если преследование вас <нрзб> моего заключения, если нужно и вам это [. . .] откажитесь формально от меня. Ведь формальность же не связывает нас — а любовь, кровь. А любовь не вытравится, кровь не подменится — она говорит и будет говорить (письмо от 1 марта 1943 г.).

В Сербии до переезда в Россию Д. И. Семиз был активным участником движения южных славян за независимость, входил в студенческие революционные организации “Черная рука”¹⁰ и “Млада

¹⁰ Об этой организации, действовавшей до 1917 гг. и ставившей целями освобождение сербов из-под власти Австро-Венгрии и создание Великой Сербии на территории, населенной южными славянами; руководстве и деятельности “Черной руки”, см.: [МАСКЕНЗИЕ 1989] (русское издание: [МАККЕНЗИ 2005]); КАЗИМИРОВИЋ 1997; ПИСАРЕВ 1990].

Босна”¹¹. В начале XX в. он включается в политическую борьбу, в качестве журналиста и историка публикует статьи об истории Сербии и южных славян на Балканах, в годы Первой мировой войны участвует не только в боевых действиях, но становится фронтовым военным корреспондентом, о чем свидетельствует богатейший фотоархив в его фонде в ОР ИРЛИ. Выходят его публикации в периодической печати на его родине, а также в Петербурге и Москве. в журналах “Nova Evropa”, “Маевци”, “Вестник Европы”, в газетах “Биржевые Ведомости”, “День”, “Русское слово” и других. Активно работает в Славянском комитете во время войны, читает лекции в Большом зале Политехнического музея в Москве, сбор с которых идет на помощь славянам на Балканах и раненым. Статьи Д. И. Семиза выходили на сербском и русском языках, иногда под псевдонимом “Шумбор”. Оттиски статей, их черновые варианты, машинописные экземпляры многих этих публикаций и документов сохранились в его пушкинодомском фонде [Вукичевич и Семиз 1913; Семиз 1908; IDEM 1912; IDEM 1916А; IDEM 1916Б]. В одной из своих книг о борьбе сербов в Первую мировую войну Д. И. Семиз писал:

Жестока судьба сербов. Отступая к Косову, армия получила приказ “Раненых товарищей не подбирать!” Там, на Косове, нет городов, негде поместить, нечем кормить больных и раненых. А впереди — отступление в Албанию. Господи, что это за муки были! Кто не был на войне, тот не поймет, что такое боевой товарищ. На войне люди живут, как умирающий, приобщившись св. Тайн накануне смерти. Брат родной не так дорог, не так близок, как боевой товарищ. Взгляд, проникающий в душу, умоляющий, беспомощный, сопровождает вас. Вы отходите, бросаете друга, сознавая, что он будет приколот безжалостной рукой врага. Армия это знала, она это реально осязала [Семиз 1916А: 35].

Два года спустя, в 1918 г., Д. И. Семиз опубликовал книгу о движении сербских добровольцев во время Первой мировой войны “Дрина-Добруджа-Мурманск”. Он сблизился с учеными-славистами В. Ягичем, С. Младеновым. Вместе с тем, еще с 1902 г. жизнь Д. И. Семиза была все больше связана с С.-Петербургом и одновременно с городком Мышкином на Волге Ярославской губернии. Из этих мест (городов Рыбинск и Мышкин) происходила семья его будущей жены, врача Натальи Дмитриевны Роговой, принадлежавшая к дворянскому роду. С Душаном Ивановичем они обвенчались 10 июля 1907 г. в церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Оносово Мышкинского уезда Ярославской губернии. Вскоре молодая семья переезжает в С.-Петербург. Он продолжает

¹¹ “Млада Босна” — сербско-боснийская молодежная революционная организация (1912–1914), боровшаяся за присоединение Боснии и Герцеговины к Великой Сербии. Члены “Младой Босны” поддерживали связь с организацией “Черная рука”.

работать как журналист, печатает на сербском языке статьи о России и Сербии, о проблемах сербско-хорватской идентичности, переводит на русский язык сербский эпос. Он работает в культурно-просветительских организациях, а также как юрисконсульт в разных учреждениях, но об этом далее.

Первый раз Д. И. Семиз был в 1929 г. арестован решением Коллегии ОГПУ по 116 и 117 статьям Уголовного кодекса¹² и осужден на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь в Карелию, в Медвежьегорск (Медгора), а затем переведен в Беломорско-Балтийский лагерь (БелБалтлаг). В фонде Д. И. Семиза в РО ИРЛИ в одной из папок сохранилась “Книжка ударника” Белбалткомбината ОГПУ 1933 г., на обложке которой отпечатано: “Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и героизма (Сталин)”. В Белбалтлаге Д. И. Семиз был техническим делопроизводителем, однако, судя по письмам к родным, ему приходилось часто выполнять и тяжелую физическую работу и в лагере в Архангельской области, и на строительстве канала, при этом страдая от голода и болезней. Дочь старалась поддержать отца, отправляя посылки с самым необходимым, что тоже требовало от нее немалых усилий и материальных, и физических. 7 марта 1943 г. Душан Иванович в письме, отправленном близким из так называемого “Сельхозучастка” на станции Плесецкая Северной железной дороги, писал:

О посылке: кланяюсь вам в ноги за вашу заботу. Иногда просто валяюсь с ног, идя по снегу, которого здесь небывалое количество. Сугробы по несколько метров. Получаю 0,500 гр. хлеба, вот и вся моя пища. Боюсь, что не выживу, уж очень, даже катастрофически, худею не по дням, а по часам, да на холоде и ветрах провожу с утра до ночи. Приходится работать, людей не хватает. Подготавливаем парники, теплицы к посевам. Заготавливаем удобрения для полей. Я писал вам, что я теперь работаю на сельскохозяйственном участке. Работа ударная, необходимая — было бы питание да силенки работать, то можно было с пользой и для своего здоровья — на чистом воздухе, кругом в лесу. . .

Однако даже чистый лесной воздух не спасал от болезней, и в письме Д. И. Семиза от 21 апреля 1943 г. читаем:

Сегодня или завтра отправляют в лазарет — второй день лежу с температурой — истощен окончательно и все время чувствую голод [. . .]. Сегодня украли

¹² Указанные статьи УК РСФСР в действовавшей тогда редакции 1926 г. предусматривали наказание за растрату и получение взятки. К разряду политических эта репрессия, очевидно, не относилась. Пока сложно сказать, в чем конкретно обвинялся по этим статьям Д. И. Семиз, каковы были основания и подробности дела 1929 г. Выяснение этих вопросов требует в будущем специальных дополнительных разысканий в Центральном архиве ФСБ РФ, где могут сохраниться материалы НКВД об аресте Д. И. Семиза.

у меня сапоги, которые из дому были мне вами даны. Они меня спасали. Попал в тяжелое положение [. . .]. Ноги опухли до колен, как тумбы, а идти сегодня придется по грязи, да с поклажей.

Лагерная жизнь, как теперь хорошо известно и от немногих живых свидетелей, и по сочинениям В. Т. Шаламова, А. И. Солженицына и других, меняет реальное восприятие важного и неважного; сосредоточивается на самом, казалось бы, незначительном в обыденной жизни.

По-видимому, только скудная помощь родных и надежда на конечное соединение с семьей давали силы Душану Ивановичу для работы. В упомянутой “Книжке ударника”, выданной Д. И. Семизу в Белбалтлаге, есть записи о благодарности от Центрального штаба по трудсоревнованию и ударничеству Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ “за хорошую работу”, отметки об общественных нагрузках Д. И. Семиза — участие в работе юридической бригады, в выпуске стенгазет, в ведении среди заключенных кружка по экономике. Сохранилась также выписка из личного дела под № 3212 “За ударную работу и трудовые зачеты”. В 1934 г. Д. И. Семиз был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград, работал инспектором-методистом культурно-массового Отдела Ленсовета по организации лекций и научных докладов и университетов культуры, а затем вплоть до своего второго ареста 26 февраля 1938 г. по доносу квартирной соседки в доме на Литейном проспекте, 24, — известном петербуржцам Доме Мурузи, где проживала семья Д. И. Семиза, — был юрисконсульт административного Отдела ленинградского Губисполкома, затем Облсисполкома, а в момент ареста юрисконсульт Ленинградского мясокомбината.

26 июля 1939 г. Д. И. Семиз был вновь осужден, как отмечено в выданной ему справке под № 558, “по делу НКВД СССР г. Москва, по статье 58-6-11 УК к лишению свободы на 5 лет без поражения в правах”¹³. Он был арестован и отправлен в лагерь в с. Наволоки Архангельской области. Незадолго до начала Великой Отечественной войны, 3 марта 1941 г., Д. И. Семиз пишет родным:

Живу, как на необитаемом острове — значительно хуже, чем было в тюрьме во всех отношениях. Особым совещанием изолирован, репрессирован на пять лет, считая с 27/II 38 г. за шпионаж <по> какой-то или одной из статей. Срок кончается 6/II/ 43 года. Уже четвертый год начался. Доживу ли я еще эти 2 года, не знаю. Честно говоря, я сомневаюсь. . . Я жертва стихии, Комитетских

¹³ Скорее всего, донос соседки по квартире был только одним из предложений ареста. Статья, по которой был осужден Д. И. Семиз в 1939 г., — “шпионаж в составе организованной группы”. Возможно, причиной ареста было то, что Душан Иванович принадлежал сербской диаспоре. Этот вопрос требует более основательного изучения в будущем.

установок. Подошел под мерку и признаки, и пошел, куда многие и многие тысячи пошли. А “люди” помогли мне указать на меня, что, мол, “не то он де<лае>ть”. И с своей стороны смошенничали в установлении свидетельств с “установками и признаками”. Вот все в моем “деле” — мое дело.

В годы войны обстоятельства содержания заключенных изменились, но вопрос об освобождении Д. И. Семиза оставался открытым, вместе с тем давая ему определенную надежду. Иногда его охватывало отчаяние. В письме семье от 26 ноября 1942 г. он сообщал:

С сегодняшнего дня осталось ровно три месяца, когда срок мой должен закончиться. Боюсь думать об этом дне, а еще более беспокоит сознание, что могу остаться здесь до окончания войны. Немало случаев, что таких, как я, задерживают — дают расписаться, что их оставляют до конца войны. Но есть случаи, что и не задерживают. Чем руководствуются, трудно сказать [. . .]. В лучшем случае, если удастся вырваться отсюда, к вам мне попасть и свидеться с вами не придется. Приехать ко мне сюда невозможно — и некуда. Заколдованный круг замкнулся для меня. И за что и для чего все это? Вот это сознание и беспомощность убивают. А тут еще годы, болезнь, истощение усиливают безнадежность и веру в скорый конец, который прекратит бессмысленную и ненужную мою жизнь.

Однако в 1948 г. Душана Ивановича Семиза вновь ожидали лагерь и ссылка. Он был освобожден из заключения только после смерти Сталина в 1953 г., но не реабилитирован, претерпев краткое возвращение на свободу. В 1955 г. его дело было прекращено, очевидно, в связи со смертью в феврале того же года. В той части фонда Д. И. Семиза в РО ИРЛИ, которая составляет архив М. Д. Семиз, содержится ее переписка со следователями, крупными и мелкими начальниками НКВД и МВД, от которых зависела судьба ее отца. Это тоже важный пласт источников повседневной жизни тогдашнего Ленинграда и страны в целом. В 1950 г., находясь в ссылке в Казахстане, Д. И. Семиз писал в заявлении на имя начальника Управления МГБ по Ярославской области:

Тяжело мне умирать, сознавая свою полную невиновность перед Советским Союзом, которому я отдал знания, свои силы и энергию лучших годов жизни, работая не покладая рук с первого дня Октябрьской революции. Тяжело умирать и кончать жизнь свою беспомощным, вдали от семьи. Помогите мне реабилитировать себя и умереть в окружении семьи [Рождественская 1998: 28].

Об этом же просил Д. И. Семиз и в заявлении на имя Председателя Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова от 8 августа 1953 г., уже после смерти Сталина. Из этого документа мы узнаем об основных этапах мученического пути Д. И. Семиза. Он писал:

Заявление в прокуратуру я подал с твердым убеждением, что прокуратура и правосудие объективно, по-советски, отнесутся к моему заявлению. [. . .] В результате я был арестован 26. II. 1938. Следствие никакого обвинения не могло мне предъявить, поэтому вынуждено было создавать обвинительный материал в процессе следствия, которое продолжалось полтора года. В результате недоброкачественных материалов ОСО НКВД СССР своим протоколом № 22 от 26.VII.1939 г. постановило заключить меня в ИТЛ сроком на пять лет по ст. 58.6. УК, охарактеризовав меня в своем протоколе “активный участник сербской освободительно-революционной организации”¹⁴. На постановление ОСО я подал жалобу Прокурору Ленинградского военного Округа, который, проверив мою жалобу, опротестовал постановление ОСО, о чем официально известил мою семью, а я был задержан этапированием. В апреле 1940 года я отправлен был в ИТЛ в Наволоки Архангельской области. Срок моего заключения истекал 26. II. 1943 г., но я был задержан до окончания Отечественной войны. Освобожден 19. II. 1947 на общих основаниях, с ограничениями, предусмотренными 33 ст. Положения о паспортах. Таким образом я пробыл в заключении 9 лет, имея наказание 5 лет. После освобождения проживал с семьей в г. Мышкине Ярославской области, где был снова арестован 14. XII. 1948 г. и направлен в административную ссылку в с. Берлик Казахской ССР. Невзирая на мою инвалидность (II группа), находясь в ИТЛ, — работал. В 1943 г. был вызван в Управление лагерями Архангельской области, где мне было объявлено нач^{альником} III Отдела т. Сусветовым, что Управление решило освободить меня и назначить своим юрисконсультom, но в силу моего крайнего тогда истощения я заявил ему, что едва ли смогу справиться с работой. Мне уже 70 лет и 50 лет стажа. Инвалид и больной, нуждаюсь в постоянном уходе. Поэтому прошу Вас, гр. Председатель, распространить на меня п. 6. амнистии Верховного Совета СССР от 27. III. 53 г. и дать мне возможность дожить оставшиеся дни жизни в кругу своей семьи.

На это заявление ответа не последовало.

6 ноября 1951 г. Д. И. Семиз записал: “Дежурство в 12 часов ночи. 23 года назад роковой перелом в моей жизни”. Однако приведенное заявление, видимо, все же возымело действие. Осенью 1953 г. в Мышкин пришла телеграмма: “Освобожден. Ликвидируюсь, подробности письмом”. Однако дальнейшие приводимые сведения и письмо весны 1954 г. свидетельствуют, что Д.И. Семиз еще не освободился, а лишь ожидал освобождения. Во многом помогли и хлопоты Милены Душановны, свидетельством чему являются ответные письма к ней начальников разного уровня. Так, 15 апреля 1954 г. в Мышкин было отправлено из Москвы письмо за подписью военного прокурора Отдела ГВП полковника юстиции Васильева, в котором тот сообщал, “что проверка дела и жалобы Д. И. Семиз еще не окончено. Приняты меры к ускорению проверки, по окончании которой о результатах Вам будет сообщено”.

¹⁴ См. прим. 16.

27 июня 1954 г. военный прокурор Отдела ГВП, майор юстиции Шкарупа писал М. Д. Семиз:

На Ваше заявление от 5 июня 1954 года сообщаю, что согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. “Об амнистии” с Вашего отца Семиз Душана Ивановича, как осужденного к 5 годам ИТЛ и отбывшего эту меру наказания, судимость снята, и он подлежит освобождению из ссылки. Ваши предыдущие жалобы на неосновательность осуждения отца проверяются. Проверка еще не окончена. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

Наконец, когда Д. И. Семиза уже не было в живых, 14 декабря 1955 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа было сообщено о его реабилитации, которая произошла 12 декабря того же года “за отсутствием состава преступления с освобождением от ссылки на поселение”¹⁵.

Но вернемся к предшествующим освобождению Д. И. Семиза временам. Еще находясь в лагере, он старался заниматься умственным трудом; продолжал начатую еще в Ленинграде работу по переводу сербского эпоса на русский язык. В его фонде в ОР ИРЛИ сохранился машинописный перечень и тексты с авторской правкой 55-ти переведенных песен эпоса и две общие тетради с черновыми автографами переводов. Среди них песни о Марке Кралевиче, о построении города Скадра, об Асан-Агнице, о царице Милице, о женитьбе князя Лазаря и т. д. Эти переводы, как мы уже знаем, получили поддержку акад. Н. С. Державина, который в 1934 г. дал рекомендацию Д. И. Семизу в члены Секции научных работников при Профсоюзе работников политико-просветительных учреждений СССР, охарактеризовав его как “специалиста по истории Югославии и единственного у нас в Ленинграде квалифицированного специалиста в этой области”. Общение, хотя и письменное, Д. И. Семиза с Н. С. Державиным не прервалось и позднее¹⁶. Вступительная статья Д. И. Семиза о сербском эпосе к предполагаемому изданию этих переводов, машинописная копия которой с авторской правкой сохранилась в ОР ИРЛИ, носит скорее эмоционально-поэтический, чем строго научный характер, но, на наш взгляд, представляет определенный интерес для фольклористов. Д. И. Семиз пишет в ней:

. . . мне и моим сверстникам православным, католикам и мусульманам, получившим со мною одинаковое воспитание, “народне песме” и их герои не

¹⁵ Заявления Д. И. Семиза и все приведенные письма цитируются по оригиналам из его архивного фонда в ОР ИРЛИ.

¹⁶ В личном архивном фонде Н. С. Державина сохранилось отправленное ему из Мышкина письмо Д. И. Семиза, относящееся к 1940-м годам: СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4. Д. 490.

переставали быть нашими современниками. Мы не спрашивали, жив ли Кралевич Марко, Милош Обилич, Старина Новак, Вуядин, Байо Пивлянин и Иво Селянин. Мы знали, что они живут и будут жить, и это было для нас так же ясно и просто, как то, что небо синее и будет синеть.

Даже в лишениях и болезни Д. И. Семиз находит утешение в памяти о родной Сербии, в любви к своим близким. Сознание единства своего рода, надежда на воссоединение с семьей поддерживают его силы. Во многих письмах постоянно звучит тема незаслуженного обвинения, жажда восстановления справедливости, тревога и все-таки вера и надежда на свободу.

Еще в конце 1941 г. Д. И. Семиз даже обратился за помощью к своему родственнику В. И. Пичете, причем за помощью не только бытового характера. В письме из с. Наволоки Плесецкого района Архангельской области он просил сообщить о местонахождении своей семьи, с которой потерял связь: “Просьба к тебе, — узнать и сообщить мне о судьбе моих. Написать им, если узнаешь их место нахождения — чтобы мне написали и прислали посылку, в которой крайне нуждаюсь: мыла, сахару, круп каких-нибудь, луку и жиров. Как роскошь пачку махорки”. Помимо сугубо бытовых просьб он обращается к В. И. Пичете с просьбой, более для него важной:

Буду очень благодарен, если позвонишь Бошковичу <который находится в Москве>, или в Коминтерн, или Аграрный Институт, и передашь ему мою просьбу, чтобы принял меры к моему освобождению¹⁷. Изолирован я постановлением Особого Совещания на 5 л. за мою принадлежность к бывшей сербской национально-революционной организации “Черная Рука”. Мои товарищи, бывшие в эмиграции в Западной Европе — волей народа в марте с. г. возвращены на родину и стали — Душан Симович¹⁸

¹⁷ Филипп Васильевич Бошкович-Филиппович (1878–1938) — серб, югославский подданный, член ЦК компартии Югославии. Проживал в Москве. Ответственный референт Международного аграрного института. Был арестован 7 февраля 1938 г. Обвинялся по ст. 58. п. 4, 10, 11 УК РСФСР в том, что “с 1929 г. являясь членом антисоветской троцкистской организации, связанной с антисоветской организацией в Коминтерне, прибыл по ее заданию в СССР под видом партработника для проведения предательской к-р деятельности среди югославын, находящихся в СССР”. Приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР 8 апреля 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян и похоронен на полигоне близ пос. Коммунарка (Московская область) 8 апреля 1938 г. Реабилитирован 3 октября 1957 г. См.: АП РФ, ф. 3, оп. 24. Д. 415. Л. 198–199; публикация справки НКВД: [РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ].

¹⁸ Душан Симович (1882–1962) — югославский военачальник, генерал авиационных войск; в 1938–1940 гг. начальник Генштаба армии Королевства Югославии; в марте-апреле 1941 г. премьер-министр Югославии. После объявления гитлеровской Германией войны против Югославии уехал в Лондон, вернулся в Югославию в 1945 г. О нем и его правительстве см., например:

премьером югославского правительства <нрзб> в Лондоне, а Борин Симич¹⁹ приезжал в начале апреля с. г. в Москву во главе югославской делегации, подписавшей договор дружбы с Сов<етским> Союзом. Эта честь им оказана народом как лидерам “Черной Руки”, я же охарактеризован Постановлением Особ<ого> Совещ<ания> “активным деятелем Черной Руки” и поэтому изолирован на 5 лет. Сообщи мне адрес Бошковича, и я напишу ему тоже. Положение мое тяжелое. Остался год и 2 месяца, но я до срока не доживу, до того я ослаб и изнемог. Привет Алек<сандре> Петровне²⁰. Прости за беспокойство. Крепко обнимаю Душан (АРАН, ф. 1548, оп. 3. Д. 198. Л. 1–1об.).

Как видим, Д. И. Семиз был осведомлен о судьбе своих бывших соратников, несмотря на отсутствие какой бы то ни было связи с ними. При этом он явно не знал об аресте Ф. Бошковича, произошедшим почти одновременно с его собственным арестом, если просил В. И. Пичету обратиться к нему. Вряд ли В. И. Пичета мог в таком случае помочь Д. И. Семизу. Его письмо в рукописи датировано 16 февраля 1941 г., а упомянутый в письме Душан Симович уехал в Лондон в апреле того же года. На этом основании можно предположить, что Д. И. Семиз ошибочно датировал свое письмо В. И. Пичете, и в реальности оно было написано в декабре. С другой стороны, находясь в лагере, Д. И. Семиз мог и не знать точной даты отъезда Д. Симовича. Ситуация остается не проясненной, ее предстоит выяснить будущим исследователям биографии Д. И. Семиза, обратившись в Центральный архив ФСБ, что потребует усилий и времени.

Из письма родным от 6 февраля 1943 г. узнаем, что Душан Иванович спустя два года был “оставлен в том же положении до окончания военных действий”. 7 марта 1943 г. в письме родным Д. И. Семиз снова вспоминает о В. И. Пичете:

По-моему, В. И. в Ташкенте. Я здесь встретил его статью — с пометкой “Ташкент”. Не там ли часть академиков и собралась для работы? В последнем письме я писал, что следует обязательно посетить ген<ерала> майора Гундорова²¹, если Милуша²² попадет в Москву. Он председатель Военной Ком<ендатуры>.

[Томасевич 2001] (по указателю).

¹⁹ Борин (Божин) Симич (1881–1966) — полковник сербской армии, сторонник неприсоединения Югославии к Тройственному союзу. Министр без портфеля в правительстве Д. Симовича. Участвовал в работе Коминтерна и в подписании договора 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении между СССР и Королевством Югославия.

²⁰ Александра Петровна Пичета (1892–1973) — вторая жена В. И. Пичеты.

²¹ Александр Семенович Гундоров (1895–1973) — генерал-лейтенант инженерных войск, председатель Всеславянского комитета, который он возглавлял с момента его создания в 1941 г. Д. И. Семиз имел в виду свое предыдущее письмо семье.

²² Имеется в виду М. Д. Семиз.

Но и через одиннадцать лет после этого письма, в 1954 г., Душан Иванович все еще не представлял своей дальнейшей судьбы. Он писал родным 16 апреля:

Вчера освободили еще 5 человек пятилетников — русских и одного кабардинца. Осталось здесь нас пятилетников еще 5 чел. Подождем следующей очереди — быть может, и я попаду, уверяют, что амнистия распространена на всех 5-летников, но я “обжегся на молоке и на воду дую”. Я полон сомнений и недоверия. Не знаю, писать мне дополнительно прокуратуре свои объяснения, поскольку следствие, видимо, не все материалы приобщило к делу. Ведь по моему делу было опрошено 15 человек, главным образом, служащие мясокомбината, да наш Костя²³. И никто не показал ни слова против меня и наоборот, все показания в мою пользу. Невыгодно было, вероятно, приобщить их к делу, а я их читал. [. . .] Даже если в руках и будет документ, и то буду не уверен.

Из ссылки Д. И. Семиз вернулся в город Мышкин. Отдельную страницу его биографии представляет его деятельность в разные годы в Мышкине в качестве журналиста, политика, преподавателя, и изучение этой страницы — задача будущего. Недолго довелось Душану Ивановичу Семизу прожить после освобождения в кругу семьи, рядом с матерью и дочерью. Мышкин стал и местом его упокоения на небольшом городском кладбище у церкви “Всех скорбящих радость”, долгие годы стоявшей разрушенной, а ныне полностью восстановленной. Рядом с мужем в июне 1965 года под общим крестом нашла свой последний приют и Наталья Дмитриевна Рогова-Семиз. Родовой дом Роговых на Никольской площади под № 13 сохранился в Мышкине до сих пор, и стараниями известного мышкинского культурного деятеля, краеведа, писателя, историка Владимира Александровича Гречухина на этом доме была установлена памятная доска о семье Роговых-Семиз.

В заключение приведу письмо Д. И. Семиза из его фонда в ОР ИРЛИ, написанное им 18 мая 1944 г. в ответ на письмо дочери, которая действительно положила “жизнь свою за други своя”. В письме отец воздаст должное этой искренней дочерней любви. Привожу письмо полностью, не исправляя некоторых авторских стилистических шероховатостей, вызванных тем, что русский язык все же не был для Д. И. Семиза родным:

Милые мои, мы в своей жизни много вынесли, еще много ужасных страданий висит над нашими головами, но если вы вспомните, ЧТО [выделено автором. — М. Р.] достигли путем наших страданий, то мы должны благословить

²³ Костя — Константин Романович Рогов (1913–1987), горный инженер, до Великой Отечественной войны жил в Ленинграде, в послевоенное время и до конца жизни — в Москве. Племянник Д. И. Семиза и двоюродный брат М. Д. Семиз. В фонде Д. И. Семиза в ОР ИРЛИ сохранилось несколько его писем к дяде и сестре.

их. Достигли человеческого сознания и человеческой жизни в глубоком, в бесконечном значении этого слова, а для достижения такой цели можно много вынести [. . .] Взаимная любовь, которая на протяжении 40 лет никогда не оставляла нашу семью, но напуганная обрушившимися несчастными обстоятельствами, она всех нас без исключения глубоко, благодаря этому, скрылась в сердце каждого, лишилась возможности свободного проявления, но она снова разогреет и оживит жизнь нашей семьи, и ее вечер будет, в это я верю, еще светлее и глубже, чем ее утро.

Милуша моя, человек должен страдать, чтобы быть человеческим. Страдание — это оживотворяющий принцип существования, оно просветляет непосредственное, возвышая его до духовного. Без страдания все было бы мертво и неподвижно, поэтому радоваться нужно, что мы избраны по-человечески страдать. Только человек, в котором воплотилась человечность — человек. Только такой человек способен и может любить. Он ее сосуд, а любовь — высшая действительность истинного в человеке, это только и в состоянии озарить жизнь. Вот и еще почему я плакал — слезами радости над твоим письмом за тебя, родная, человеческого человека, озаряющего твою и нашу с мамой жизнь. [. . .] и твоя к нам любовь есть Высшее, есть откровение. Поэтому и впредь имей твердую веру в простой голос твоей прекрасной благородной души. Следуй всегда лишь ее побуждениям, люби нас и никогда не забывай, что твоя любовь для меня и для матери, для родителей твоих — есть наша отчизна, святая обитель нашего общего счастья.

Список сокращений

- АП РФ — Архив Президента РФ (Управление информационного и документационного обеспечения Администрации Президента РФ, Москва)
- АРАН — Архив Российской академии наук (Москва)
- ББЛП — Беломорско-Балтийское лагерное производство
- ГПУ — Главное политическое управление СССР
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- МГБ — Министерство государственной безопасности СССР
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- ОСО — Особое совещание
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- СПФ АРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- УИТЛ — Управление исправительно-трудовых лагерей
- УК — Уголовный кодекс РСФСР (СССР)
- ФСБ РФ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга

Библиография

БАУМАН 2003

БАУМАН А. Л., ред., *Руководители Санкт-Петербурга*, С.-Петербург, Москва, 2003.

ВУКИЧЕВИЧ И СЕМИЗ 1913

ВУКИЧЕВИЧ М. М., СЕМИЗ Д. И., *Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру: Исторические параллели с XIV в. до 1878 г.*, С.-Петербург, 1913.

ГОРЯИНОВ 2004

ГОРЯИНОВ А. Н., *В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века*, Москва, 2006.

ЗАВАРЗИНА 2016

ЗАВАРЗИНА А., «А дух славянский жив и будет жить вовеки, ибо с нами Бог наш» (Судьба семьи Семиз на фоне российской истории 30–60 годов XX века), in: И. ЩЕРБАКОВА, сост., *По крупицам. Российские школьники об истории XX века: Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век»*, Электронная публикация, 24.05.2016 (<http://urokiistorii.ru/article/53234>, последнее обращение: 10.01.2018).

КАЗИМИРОВИЋ 1997

КАЗИМИРОВИЋ В., *Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године*, Крагујевац, 1997.

МАККЕНЗИ 2005

МАККЕНЗИ Д., *Апис: гениальный конспиратор*, перев. с англ. И. МАКАРОВА, Москва, 2005.

ПИСАРЕВ 1990

ПИСАРЕВ Ю. А., *Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг.*, Москва, 1990.

РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

«Бошкович-Филиппович Филипп Васильевич. Справка НКВД», in: С. А. МЕЛЬЧИН ET AL., сост., *Сталинские расстрельные списки*, Электронное издание (<http://stalin.memo.ru/spravki/7-199.htm>; последнее обращение: 10.12.2017).

РОГОВ 1998

РОГОВ Д. К., «Из истории одной российской семьи», in: *Опочининские чтения*, 6, Мышкин, 1998, 31–33.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 1996

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., «Душан Иванович Семиз. Сербская Голгофа», in: *Петербургские чтения*, 96: *Материалы Энциклопедической библиотеки «С.-Петербург — 2003»*, С.-Петербург, 1996, 458–460.

——— 1998

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., «Душан Иванович Семиз: Сербская Голгофа», in: *Опочининские чтения*, 6, Мышкин, 1998, 27–29.

СЕМИЗ 1908

СЕМИЗ Д. И., *Очерк истории Боснии и Герцеговины*, С.-Петербург, 1908.

——— 1912

СЕМИЗ Д. И., *Сербский народ накануне войны*, С.-Петербург, 1912.

——— 1916А

СЕМИЗ Д. И., *Австрийские сербо-хорваты и Сербия*, Москва, 1916.

——— 1916Б

СЕМИЗ Д. И., *Сербская Голгофа: [О сербско-немецкой войне]*, Москва, 1916.

ШИЛОВ И КУЗЬМИН 2006

ШИЛОВ Д. Н., КУЗЬМИН Ю. А., *Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник*, С.-Петербург, 2006.

MACKENZIE 1989

MACKENZIE D., *Apis: The Congenial Conspirator: The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević*, New York, 1989.

TOMASEVICH 2001

TOMASEVICH J., *War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration*, Stanford, 2001.

References

Bauman A. L., ed., *Rukovoditeli Sankt-Peterburga*, St. Petersburg, Moscow, 2003.

Goryainov A. N., *V Rossii i emigratsii: Ocherki o slavianovedenii i slavistakh pervoi poloviny XX veka*, Moscow, 2006.

Kazimirović V., *Crna Ruka. Ličnosti i događaji u Srbiji od prevrata 1903 g. do Solunskog procesa 1917 godine*, Kragujevac, 1997.

MacKenzie D., *Apis: The Congenial Conspirator: The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević*, New York, 1989.

MacKenzie D., *Apis: The Congenial Conspirator*, transl. into Russian by I. Makarov, Moscow, 2005.

Pisarev Yu. A., *Tainy Pervoi mirovoi voiny: Rossiia i Serbiia v 1914–1915 gg.*, Moscow, 1990.

Rogov D. K., “Iz istorii odnoi rossiiskoi sem‘i,” in: *OPOCHININSKIE CHTENIIA*, 6, Myshkin, 1998, 31–33.

Rozhdestvenskaia M. V., “Dushan Ivanovich Semiz. Serbskaia Golgofa,” in: *Peterburgskie chteniia*, 96, St. Petersburg, 1996, 458–460.

Rozhdestvenskaia M. V., “Dushan Ivanovich Semiz. Serbskaia Golgofa,” in: *OPOCHININSKIE CHTENIIA*, 6, Myshkin, 1998, 27–29.

Shilov D. N., Kuz'min Yu. A., *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiiskoi imperii. 1801–1906. Biobibliograficheskii spravochnik*, St. Petersburg, 2006.

Tomasevich J., *War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration*, Stanford, 2001.

Zavarzina A., “‘A dukh slavianskii zhiv i budet zhit' voveki, ibo s nami Bog nash' (Sud'ba sem'i Semiz na fone rossiiskoi istorii 30–60 godov XX veka),” in: I. Shcherbakova, ed., *Po krupitsam. Rossiiskie shkol'niki ob istorii XX veka* (<http://urokiistorii.ru/article/53234>).

Милена Всеволодовна Рождественская, доктор филологических наук
С.-Петербургский государственный университет,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета,
190034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11
Россия/Russia
m.rozhdestvenskaya@spbu.ru

Received August 26, 2017